

УЎК (УДК, UDC): 81'276.5: 811.161.1'34: 811.512.13"15-17"
DOI: 10.36078/1581919773

О ФОНЕТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ НЕКОТОРЫХ ВОСТОЧНЫХ ЭКЗОТИЗМОВ В ТЕКСТАХ РУССКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ XVI–XVIII ВВ.

Озода Тожиевна ХУЖАНОВА

Старший преподаватель

Кафедра русской и мировой литературы
Термезский государственный университет

Термез, Узбекистан

ozoda.xuzhanova@bk.ru

Аннотация

В статье рассматривается процесс фонетической адаптации восточных экзотизмов, проникших в русский язык в результате дипломатических и торговых связей России с Монголией, Китаем и Хивинским ханством в XVI–XVIII веках, выявляются причины возникновения их вариативности. В ней на основе большого фактического материала показываются фонетические варианты восточных экзотизмов, употребленных в текстах анализируемых памятников русской деловой письменности. Привлеченные к рассмотрению восточные экзотизмы подтверждают, что фонетическое усвоение иноязычного слова — это длительный исторический процесс, который протекает менее интенсивно, чем приобретение ими формальных показателей. Подчеркивается, что восточные экзотизмы, содержащиеся в русских текстах, адаптировались согласно внутренним законам русского языка XVI–XVIII вв. Наглядным подтверждением этих явлений являются положения о преобразовании восточных экзотизмов в своем фонетическом облике, испытание на себе влияния русской разговорной речи. Отмечается, что фонетическое усвоение восточного экзотизма заключается в «подгонке» под типичные для русской фонетической системы звукосочетания. Его осуществление не диктуется коммуникативными задачами, так как общение между людьми возможно и тогда, когда есть различное произношение.

Ключевые слова: экзотизм; вариант; адаптация; фонетика; слово; восточный экзотизм; фонетическая адаптация; русский язык; русская разговорная речь.

XVI–XVIII АСР РУС ДИПЛОМАТИК ҲУЖЖАТЛАРИ МАТНИДА БАЪЗИ БИР ШАРҚОНА ЭКЗОТИЗМЛАРНИНГ ФОНЕТИК МОСЛАШУВИ ҲАҚИДА

Озода Таджиевна ХУЖАНОВА

Катта ўқитувчи

Рус ва жаҳон адабиёти кафедраси

Термиз давлатуниверситети

Термиз, Ўзбекистон

ozoda.xuzhanova@bk.ru

Аннотация

Мақолада XVII–XVIII асрларда Россия, Мўғулистан, Хитой ва Хива хонлиги билан дипломатик ва савдо алоқалари натижасида рус тилига кириб келган шарқий экзотизмларнинг фонетик мослашуви кўриб чиқилган ва уларнинг ўзгарувчанлик сабаблари очиб берилган. Кўп миқдордаги фактik материаллар асосида, бу русий иш ёзувининг таҳлил қилинган ёдгорликлари матнларида ишлатилган шарқий экзотизмларнинг фонетик вариантларини кўрсатади. Кўп миқдордаги фактik материаллар асосида, бу рус ёзувининг ёдгорликларида ишлатилган шарқий экзотизмларнинг фонетик вариантларини кўрсатилган ва таҳлил қилинган. Ҳисобга олинган шарқий экзотизмлар чет тилининг фонетик ассимиляцияси узоқ тарихий жараён эканлигини, улар томонидан расмий кўрсаткичларни олишдан кўра камроқ интенсив давом этаётганлигини тасдиқлади. Рус матнларидаги шарқий экзотизмлар XVII–XVIII асрлардаги рус тилининг ички қонунларига мувофиқ мосланганлиги таъкидланган. Ушбу ҳодисаларнинг яққол тасдиғи шарқий экзотизмни унинг фонетик кўринишида ўзгаришиш, рус тилида сўзлашувнинг таъсирини синаб кўриш тўғрисидаги қоидалардир. Таъкидланишича, шарқий экзотизмнинг фонетик ассимиляцияси рус фонетик тизимиға хос бўлган товуш бирикмаларига “мослаш”дан иборат. Уни амалга ошириш коммуникатив вазифалардан келиб чиқмайди, чунки одамлар ўртасида турли хил талаффуз мавжуд бўлса ҳам алоқа ўрнатиш мумкин.

Калит сўзлар: экзотизм; вариант; мослашиш; фонетика; сўз; Шарқ экзотиклиги; фонетик мослашув; рус тили; рус тилида сўзлашув.

ON THE PHONETIC ADAPTATION OF SOME EASTERN EXOTISMS IN THE TEXTS OF RUSSIAN DIPLOMATIC DOCUMENTS OF THE XVI-XVIII CENTURIES.

Ozoda Tojievna XUJANOVA

Senior teacher

Russian Language and Literature Department

Termez State University

Termez, Uzbekistan

ozoda.xuzhanova@bk.ru

Abstract

The article considers the process of phonetic adaptation of oriental exotisms that penetrated the Russian language as a result of Russian diplomatic and trade relations with Mongolia, China and the Khiva Khanate in the 16th-18th centuries, and the causes of their variability are revealed. On the basis of a large amount of factual material, it shows the phonetic variants of oriental exoticisms used in the texts of the analyzed monuments of Russian business writing. The oriental exotisms brought into consideration confirm that the phonetic assimilation of a foreign language is a long historical process, which proceeds less intensively than the acquisition of formal indicators by them. It is emphasized that the eastern exotisms contained in the Russian texts adapted according to the internal laws of the Russian language of the 16th-18th centuries. A clear confirmation of these phenomena are the provisions on the transformation of oriental exoticism in its phonetic appearance, the test of the influence of Russian colloquial speech. It is noted that the phonetic assimilation of oriental exoticism consists in “fitting” to the sound combinations typical of the Russian phonetic system. Its implementation is not dictated by communicative tasks, since communication between people is possible even when there is a different pronunciation.

Keywords: exotism; option; adaptation; phonetics; word; East exoticism; phonetic adaptation; Russian language; Russian colloquial speech.

Введение

Вхождение слов из одного языка в другой в лингвистике считается естественным явлением. Это объясняется тем, что ни один язык не может существовать изолированно, он всегда контактирует с другими языками и тем самым обогащает свой словарный состав за счет заимствованных слов, передающих национальный колорит того или иного народа. Об этом, в частности, свидетельствуют многочисленные памятники деловой письменности, характеризующие дипломатические отношения России со странами Востока XVI–XVIII веков. В текстах этих документов встречается немалое количество восточных слов, описывающих быт, обычай, культуру и нравы восточных народов. Но, естественно, каждое из них писалось согласно фонетическим и грамматическим правилам русского языка того времени. В результате они лишились своих исконных способов выражения. Особое внимание в этом отношении заслуживает фонетическая адаптация восточных слов в текстах собственно русских и переводных текстов деловых памятников, касающихся связей России с Монголией, Китаем и Хивинским ханством XVI–XVIII веков.

Исследуемые нами документы дают возможность не только отметить новые формы зафиксированных уже восточных экзотизмов, но и показать новые, которые только вошли в систему русского языка того периода и находятся на определенной стадии оформления.

Обзор литературы. Существует ряд исследований, посвященных изучению восточных слов, содержащихся в текстах памятников русской письменности различных исторических эпох (1; 3; 4; 7; 11). Представленная тематика, связанная с фонетической адаптацией восточных экзотизмов в текстах дипломатических документов, касающихся связи России с Монголией, Китаем и Хивинским ханством XVI–XVIII веков, еще не являлась предметом пристального внимания со стороны отечественных и зарубежных лингвистов.

Методы исследования. В статье использован сравнительно-сопоставительный метод — система приемов исследования как родственных, так и разносистемных языков — с целью выявления в них универсальных и

своеобразных отличительных свойств; метод сплошной выборки языкового материала из источников.

Полученные результаты. Общеизвестно, что экзотическая лексика, хотя и передается русской графикой, представляется чуждой для носителей языка, так как употребление такой лексики обусловлено не языковыми причинами, а тематикой, ситуацией речи. В этом отношении немаловажный интерес представляет фонетическая адаптация восточных экзотизмов *кутухта* (*кутукта кутуфта, хутухта*), *тайша, бабр, барс, тайша, цзангин* (*жанги, занги, дзанги, зангин*), содержащихся в текстах письменных памятников, отражающих дипломатические и торговые связи России с Монголией, Китаем и Хивинским ханством XVI–XVIII вв.

Восточный экзотизм *кутухта*, употребляется в основном в документах, касающихся дипломатических отношений России с Монголией и Китаем. Он, например, отмечается в «Материалах по истории русско-монгольских отношений 1636–1654 гг.»: «*Аю их де, послов, Бурхан-кутухта да калканской царь прислали к Алтыну-царю нарочно государевых послов смотреть*» (10, 29).

Между тем следует заметить, что рассматриваемые нами источники дают возможность выделить и другие варианты этого слова – *кутуфта, кутукта, хутухта*:

«*Приехали в улус к Алтыну-царю и к лобе Даин Мерген-ланзу послы от Ясакту-хана-царя да от Калкана-царя да от Бурхана-кутуфты*» (10, 61).

«*А про кутухту им рассказывал сам царь* (монгольский Алтын. – *O.X.*), *что тот кутукта по их мусульманской вере у них святой, а прислан он к ним ис Лабинского* (Тибет. – *O.X.*) *государства*» (9, 64).

«*Новый хутухта рожден молодшей супруги монгольского князя, именуемой Даршан-шинфаны*» (13, 593).

Слово *кутухта* «Словарь русского языка XI–XVII вв.» впервые фиксирует в «Путешествии в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году» в значении «верховное духовное лицо у монголов»: «*Кутуфта у нихъ [монголов] – то по нашему патриархъ*» (17, 149). В данной словарной статье приводятся и другие его фонетические варианты: *кутуфта, кутукта*.

Согласно терминологическому словарю, составленному М. И. Гольманом и помещенному в качестве приложения к сборнику

документов «Русско-китайские отношения», «хутухта (кутухта) – титул высших духовных лиц ламанской церкви, означающий «святой», «божественный»» (13, 620).

По свидетельству А. Д. Михельсона, кутухта — «второе духовное лицо после далай-ламы¹ по шигемунианской вере» (23, 349). По мнению У. Равданжамц, «кутухта (Хутагт), земной представитель божества, нечто вроде Буддийского папы. Этот Кутухта, по ламайскому учению, никогда не умирает, а только обновляется смертью. Душа его переходит в новорожденного мальчика и является людям. Возрожденный Кутухта, обыкновенно, отыскивается по указанию Буддийского первосвященника, далайламы, живущего в Тибете, с большим торжеством привозится в Ургу и тщательно воспитывается ламами» (12, 196).

Наличие такой большой фонетической вариативности «титула иерархов ламанской церкви» – *кутухта*, *кутуфта*, *кутукта*, *хутухта* свидетельствует об инородности и непривычности этого слова для русского языка.

По этой причине, наверное, русские подъячие восточное (монгольское) заимствование *кутухта* в русских текстах иногда писали через *ф*, как *кутуфта*.

Таким образом, приведенный выше материал указывает на осложненные типы вариантности монгольского заимствованного слова *кутухта*: *кутухта* – *кутуфта* – *кутукта* – *хутухта*. Здесь наблюдается однородная корреляция, затрагивающая одну фонему: согласный разного способа и/или места образования, т.е. *х/ф/к/х*.

Привлекает к себе внимание с точки зрения фонетической адаптации в текстах памятников русской письменности еще одно восточное слово – *тайшиа*, отмеченное нами в грамоте из «Приказа Казанского дворца тарскому воеводе С. И. Гагарину о посылке служилых людей в калмыцкие улусы к тайшам Изенею и Далаю-Богатырю, а также к Хо-Урлюку и Курсуганиу, для приведения их к шерти от 18 октября 1607 г.»: «*И на Таре Кугонай тайши нам, великому государю* (царю и великому князю Василю Ивановичу. – *O.X.*), *шертовал за всех своих товарищев, за 40 за 9 тайшев, и их улусов за колмацких людей, опричь Урлюка-тайши да Курсугани-тайши*» (9, 22).

¹«Далай-лама, далай-ламы, м. *одуши*. (монг. *dalai-blama* букв. море-лама, лама с властью, безграничной, как море). Титул первосвященника в ламаистской … церкви в Тибете, а также сам первосвященник, носящий этот титул и почитаемый в качестве живого бога в образе человека» (см.: 5, 229).

Словарь русского языка XI–XVII вв. слово *тайша* впервые отмечает в значении «первый после хана феодальный титул у монгол, калмыков, бурят и маньчжуров; лицо, носящее этот титул», но под 1609 г.: «*А вельно, государь, имъ лутчимъ тайшамъ Езению, да Узению, да Абакаю говорити*» (17, 196).

Согласно Энциклопедии Брокгауза и Ефрана, «тайша (тай-чжи) у монголов и калмыков племенной вождь, старейший родоначальник более или менее обширной родовой группы. Подобно ханам и контайшам, т(айши) причислялись к категории старших владельцев (по ойратскому уставу), но занимали в сравнении с первыми несколько подчиненное положение. Звание тайша приобреталось рождением. Оно присваивалось братьям и близким родственникам князей (ханов) и, согласно древним обычаям монголов, переходило по наследству, но не ко всем нисходящим т(айшам), а лишь к старшему сыну его или к старейшему в роде» (22).

Более подробнее объяснение слова *тайша* в одном из памятников русской письменности дается путем гlossenования. Например, в «Истории об Азовском взятии и осадном сидении от турского царя Брагима донских казаков … лета 7135 (т.е. 1627 г. – *O.X.*) А. Орлова» *тайша* в значении «о высоком титуле у турок и лице, носящем этот титул» поясняется внутритекстовой гlossenой – при помощи русских слов *князя* и *бояра*: «А за теми пашами шла концына [вар. XVII в.: конница] многия паши и тайщи [так!], а по-русски князя и бояра … За темъ воинскимъ пошли тайщи [вар XVII в.: ташы] великия сто человѣкъ, у всякаго в полку по десяти тысячи. А за тайщами [вар. XVII в.: пашами] шель крымский царь» (17, 196).

Слово *князь* в памятниках русской письменности употреблялось в следующих значениях: 1) *глава, старейшина; владыка*; 2) *господин, хозяин владелец*; 3) *правитель княжества (удела, земли); государь, монархический правитель в древней Руси и зарубежных государствах*; 4) *лицо, имеющее титул князя (родовой или пожалованный)*; 5) *о женихе (в русском свадебном обряде)* (15, 208), а слово *боярин* – 1) *старший дружинник, советник князя*; 2) *феодал-земледелец*; 3) *высший служебный чин в Русском государстве XV–XVII вв., а также лицо, пожалованное этим чином*; 4) *вельможа, знатный и богатый сановник (при дворе западноевропейских государствах)*; 5) *мн. все гости на свадьбе (свадебный чин)* (14, 307–309).

Как указывает Н. Ж. Шаймерденова, «первоначально боярами означалось все высшее, первенствующее сословие служилых людей в

государстве. С развитием государственного устройства боярство сделалось чином, достоинством лица, получившего это название своею службою» (21, 111).

В. Н. Тарасов – составитель терминологического словаря, приложенного к материалам и документам «Русско-китайские отношения в XVIII в.», наряду со словом «тайша (монг.-кит.) – феодальный титул, который носили главы отоков; глава племени, родовой старшина у калмыков, бурят и других монгольских народов» дает и другие его фонетические варианты «тайджи (тажнь, тайджий, тайжень, тайжий, тайжни, тайжня; ойратское – тайши монгольский княжеский титул китайского происхождения (букв. «царевич»))» (13, 619). Форма слова *тайджи* со значением «титул в феодальной Монголии» числится также в терминологическом словаре М. Н. Гольмана, приложенном к сборнику документов «Материалы по истории русско-монгольских отношений 1607–1636» (9, 319). Но в текстах самих памятников часто употреблен фонетический вариант *тайша* и в редких случаях – *тайча* (*тайчи*): «*И колматцкие, государь (Михаил Федорович), послы правили мне (уфимскому воеводе Осипку Прончищеву), холопу твоему, поклон и сказали, что послал их Байбагиши-тайча к тебе, государю»* (9, 107); «*А третей город в Мугальской земле лобинской, каменной же, а воеводит в нем женищина, имя ей князя Манчикаттут, да сын ее князь Ончин-тайчи*» (9, 81).

Анализ текстов письменных памятников, содержащихся в вышеуказанных сборниках документов, показывает, что составители терминологических словарей, скорее всего, писали фонетические варианты слова *тайша* – *тайджи* (*тажнь, тайджий, тайжень, тайжий, тайжни, тайжня*) согласно нормам русского литературного языка того времени. Хотя, на наш взгляд, следовало бы им оставить те формы, которые были характерны для русского языка XVII–XVIII вв. Вероятнее всего, подъячие (писцы) тех времен писали восточное китайско-монгольское экзотическое слово *тайша* и его варианты *тайча*, *тайчи* с учетом его живого произношения в русской разговорной речи.

Довольно часто при перечислении поминок (т.е. подарков), привезенных царю и другим российским должностным лицам восточными послами и купцами, в памятниках русской деловой письменности, например, в старинном русском переводе «росписей подарков хивинского хана Исфендияра и его посла Эмина Багадыра 1640 г., написанных арабской

графикой на фарси» (8, 161–162), встречаются названия животных *бабр* и *барс* (8, 167).

«Словарь русского языка XI–XVII вв.» *бабр* отмечает в Хожении Ф. Котова под 1624 г.: «*А что въ Казбинъ звърь бабръ величествомъ болши лва, а шерстью глиннастъ, а шерсть ниска, а что у кота и прыскъ котовой, а самъ черевистъ, ноги коротки, а длиною доложъ, а голосомъ великъ и страшен, ногти что у льва*» (14, 62), *барс* – в Посольстве в Персию князя Александра Дмитриевича Звенигородского под 1594 г.: «*А шахъ и съ нимъ Фергатъ ханъ и юргенские Ҷаревичи сидѣли въ рядъхъ противъ прежнега мѣста въ лавкѣ. А передъ лавкою съ обѣихъ сторонъ прикованы два барса живые*» (14, 74).

Согласно М. Фасмеру, слово *бабр* проникло в русский язык «через тюрк. *babr* «тигр» из перс. *babag*» (20, 100). Но данное объяснение, по мнению Д. С. Кулмаматова, «нуждается в уточнении, поскольку заимствованному русскому слову *бабр* в иноязычных оригиналах (тюрки и фарси) среднеазиатских деловых документов XVII в. соответствуют *یولبارس* *yūlbārs* (дословно «полосатый барс») или *قفالن* *qāflān* («тигр») Поэтому единственным вероятным остается предположение, что русское *бабр* заимствовано из персидского языка примерно во второй половине XVI в. – со временем интенсивных торговых и дипломатических отношений Московского государства с Персией» (8, 291). Он далее замечает, что «в старинном русском переводе грамоты хивинского хана Исфендияра царю Михаилу Федоровичу от 1633 г. ... вместо персидского *бабр* употреблялось слово *елбарс*: *Да по^сла^н* (Исфендияр-хан. — *O.X.*) *есми к вашему* (Михаилу Федоровичу. — *O.X.*) *величеству скоры^м* *дѣ* *жеребецъ* *а^ргамаче^н*... *да е^нбарсова* *ко^жа*. Таким образом, персидское слово *бабр* и тюркское – *елбарс* в русском языке XVII в. употреблялись как синонимы» (8, 291–292).

В рассматриваемых нами источниках форма *ельбарс* отмечается в отписке уфимского воеводы И. Г. Желябужского в Посольский приказ о пребывании калмыцкого посла Култая в Уфе от 6 декабря 1630 г.: «*До он же, государь (Михаил Федорович) колматцкой тайша (Култайко), прислал к тебе, государю, в дарех конь ворон колматцкой да ельбарс чюбар*» (9, 158).

Необходимо отметить, что вместо упомянутой нами выше двухкомпонентной формы *yūlbārs* («полосатый барс»), характерной для среднеазиатского тюркского языка, в наших источниках наряду с *ельбарс*

употреблена еще и форма *ельбаз*. Она фиксируется в челобитной ламы Даин Мерген-ланзу царю Михаилу Федоровичу о присылке ему «государева жалованья» за верную службу от 4 февраля 1637 г.: «*Государь царь и великий князь Михаило Федорович всеа Русии самодержец, я, Даин Мерген-ланза, послал к тебе, к государю, // дани своей – шишак золочен, наруччи, куяк, ирбиз, ельбаз ..., тем государю целом бью*» (9, 76). Безусловно, восточный экзотизм *ельбарс* (*ельбазъ*) является русским фонетическим вариантом, отражающим живую русскую речь XVII в.

Много трудностей возникло при фонетическом освоении слов монгольского происхождения. Рассмотрим слово *цзангин*, которое в текстах документов встречается в формах *жсанги*, *занги*, *дзанги*, *зангин*. В словарях русского языка оно не зафиксировано, хотя в «Терминологическом словаре», составленном к сборнику документов, дается указание на язык-источник (монг.) и имеет значение «помощник правителя феодального удела по военным делам», а у маньчжуров – это «общее название чинов штаб-офицерского разряда, а также начальник отделения в министерстве; караульный начальник на границе»: «...*Монсоров продан отцем ево ему, занги Шитею, в холопство*». Или: «*И посол пошел от того заставного города Капки ко царю в город Канбалык февраля в 21 день на своих лошадех и верблюдах, а корму и подвод не дано, а из Канбалыка от царя присланы к послу в приставы 2 человека жсанги, а по-руски сотники*» (18, Л. 79об.).

В монгольское фонетическое сочетание согласных [цз] передается русскими звуками [ж], [з], [дз]. Следовательно, при переходе в заимствующий язык у восточного экзотизма происходит фонемное декодирование и замена звуков чужого языка близкими по акустико-артикуляционным характеристикам русскими звуками, представленными в памятниках русской деловой письменности графемами языка-реципиента.

Очень много экзотизмов с начальным звуком [а], хотя, как нам известно, в древнерусском языке начального [а] не было и, поэтому почти все корневые слова с этой гласной являются нерусскими по своему происхождению: *аул*, *аллах*, *аталык*, *алтын*, *аманат*, *аршин*. Например, в документе, датированном 1617 годом, встречается название персидской парчевой ткани *алтабас*: «*А сидел кутухта особно, устроено ему место рундуком, выше царева места, и обито кругом алтабасом золотным, а под ним зделано что киотом...*» (19).

Г.Х. Гилазетдинова в своей работе это явление характеризует следующим образом: «В исследуемых памятниках широкое отражение находит чередование безударных о/а как в абсолютном начале слова (в анлауте): аба – оба, абыз – обыз, азям – озям, алам – олам, алмаз – олмаз, алтабас – олтабас, алтын – олтын, анбар – онбар, армяк – ормяк, арчак – орчак и др., так и после согласных, особенно характеризующихся лабиовелярностью (бемольностью): бадъя – бодъя, базар – бозар, барсук – борсук, батрак – ботрак, гайтан – гойтан, кабак – кобак, калач – колач, капитан – коптан, капычей – копычей, караван – корован, сайдак – сойдак, сакма – сокма, таган – тоган, фата – фота и др» (3, 11–24). Приведенные примеры являются доказательством наличия фонетической вариативности восточных слов. Этот процесс, на наш взгляд, нельзя назвать чередованием. Так как не указаны конкретные формы слов, когда проявляется это чередование. Нельзя не согласиться с мнением В.В. Колесова, считающего, что смешение [о]/[а] могло поддерживаться возникшей в середине XIV в. редукцией русских безударных гласных, сформировавшей в языке аканье. Развитие аканья, по его мнению, проявлялось не только в замене безударного [о] гласным [а], но и в сохранении [о] в произношении [о] вместо [а], например, атлас – [отлас] (5, 33).

Исследуя восточные экзотизмы, следует обратить внимание на фонологические особенности. В частности, необходимо остановиться на явлении сингармонизма, на которое в свое время указывал еще В.А. Богородицкий. Он считал, что «к фонетическим признакам слов, заимствованных из восточных языков, принадлежат главным образом проявления гармонии гласных, подчиняющиеся вполне определенным законам соответственно тому или другому диалекту» (2).

В.В. Колесов считает, что «согласно закону открытого слога все слова должны были кончаться гласными, но если следующее слово начиналось также с гласного, то образовывались зияния, не приемлемые для славянского произношения: оно не допускало двух гласных подряд» (5, 33). Названное явление демонстрирует, что утрата начального гласного в первую очередь была обусловлена формированием в речи на стыке служебных и знаменательных слов зияния гласных. Для слоговой структуры русских слов зияние не характерно, в связи с этим развивались протетические согласные или наблюдается диереза начального гласного.

Дипломатические и торговые связи России с такими странами, как Монголия, Китай и Хива, играли большую роль не только в развитии взаимоотношений между народами, но и способствовали взаимовлиянию и взаимообогащению русского и восточных языков.

Восточные экзотизмы, содержащиеся в русских текстах, адаптировались согласно внутренним законам русского языка XVII–XVIII вв.

Наглядным подтверждением являются положения о преобразовании восточных экзотизмов в своем фонетическом облике, испытании на себе влияния русской разговорной речи.

Заключение. На основании проведенного исследования можно заключить:

1. Дипломатические и торговые связи России с такими странами, как Монголия, Китай и Хива, играли большую роль не только в развитии взаимоотношений между народами, но и во взаимовлиянии и взаимообогащении русского и восточных языков.

2. Восточные экзотизмы, содержащиеся в русских текстах, адаптировались согласно внутренним законам русского языка XVII–XVIII вв. Наглядным подтверждением являются положения о преобразовании восточных экзотизмов в своем фонетическом облике, испытание на себе влияния русской разговорной речи.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Вафин Б.Д. Язык документов, связанных с русско-восточными взаимоотношениями XVII века: жанрово-стилистический, историко-лексикологический и лингвографический аспекты: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Казань, 2013. – 21 с.
2. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. – М.; Л., 1935. – 354 с.
3. Гилазетдинова Г.Х. Фонетическая адаптация ориентализмов в русском языке XV–XVII вв. // Ученые записки Казанского университета. – Казань, 2010. – Т. 152. – Кн. 6. Гуманитарные науки. – С. 11–24.
4. Добродомов И.Г. История лексики тюркского происхождения в древнерусском языке (на материале «Повести временных лет»): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1966. – 14 с.
5. Колесов В. В. Историческая фонетика русского языка. — М.: Высшая школа, 1980. — 215 с.
6. Крысин Л. П. Толковый словарь иностранных слов. – М.: Русский язык, 1998. – 944 с.
7. Кулмаматов Д.С. Среднеазиатские дипломатические документы и их русские переводы XVII в. (Грамоты. Челобитные). – М.: МПГУ, 1994. – 109 с.
8. Кулмаматов Д.С. Среднеазиатские дела Посольского приказа как источник для истории русского языка: Дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 1995. – 357 с.

9. Материалы по истории русско-монгольских отношений (1607-1636). – М.: Изд-во Восточной литературы, 1959. – 351 с.
10. Материалы по истории русско-монгольских отношений (1636-1654). – М.: Изд-во Восточной литературы, 1974 – 469 с.
11. Махмутова А.С. Лексика тюркского происхождения в древнерусской письменности XIII-XV вв. (на материале ханских ярлыков и современных им памятников): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук.- Л., 1983. – 17 с.
12. Равданжамц У. Развитие межкультурной компетенции при обучении чтению монгольских студентов-филологов: Дисс. ... канд. педагог. наук. – Санкт-Петербург, 2016. – 247 с.
13. Русско-китайские отношения. Материалы и документы. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – Т. 2 (1725-1727). – 668 с.
14. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1975. – Вып. I. – 371 с.
15. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1980. – Вып. 7. – 403 с.
16. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1981. – Вып. 8. – 351 с.
17. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 2011. – Вып. 29. – 480 с.
18. Сношения России с Китаем, кн. 1, 1654 г./// Древняя Российская Вивлиофида, изд. II, ч. IV, М., 1788. — С. 120–142.
19. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. — СПб., 1882. — 227 с. —URL: <https://rucont.ru/efd/228116> (дата обращения20/12/ 2019).
20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс, 1964. – Т. I. – 562 с.
21. Шаймерденова Н.Ж. Глоссы как феномен текста. – Алматы: БОРКИ, 1997. – 156 с.
22. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефона. – СПб.: Брокгауз- корней. По словарям Ефрон, 1890-1907 // <https://slovar.cc>
23. 30000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их Гейзе, Рейфа и др. / сост. Михельсон. – М.: Собственное издание автора, 1866. – 771 с.

REFERENCES

1. Vafin B.D. *Yazyk dokumentov, svyazannykh s russko-vostochnymi vzaimootnosheniyami XVII veka: zhanrovo-stilisticheskii, istoriko-leksikologicheskii i lingvograficheskii aspekty* (Language of documents related to Russian-Eastern relations of the XVII century: genre-stylistic, historical-lexicological and linguographic aspects), extended abstract of candidate's thesis, Kazan', 2013, 21 p.
2. Bogoroditskii V.A. *Obshchii kurs russkoi grammatiki* (General course of Russian grammar), Moscow, Leningrad, 1935, 354 p.
3. Gilazetdinova G.Kh. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta*, Kazan', 2010, Vol. 152, Book. 6. Gumanitarnye nauki, pp. 11–24.
4. Dobrodomov I.G. *Istoriya leksiki tyurkskogo proiskhozhdeniya v drevnerusskom yazyke* (History of vocabulary of Turkic origin in the old Russian language), extended abstract of candidate's thesis, Moscow, 1966, 14 p.
5. Kolesov V. V. *Istoricheskaya fonetika russkogo yazyka* (Historical phonetics of the Russian language), Moscow: Vysshaya shkola, 1980, 215 p.
6. Krysin L. P. *Tolkovyi slovar' inostrannykh slov* (Explanatory dictionary of foreign words), Moscow: Russkii yazyk, 1998, 944 p.

7. Kulmamatov D.S. *Sredneaziatskie diplomaticheskie dokumenty i ikh russkie perevody XVII v.* (Central Asian Affairs of the Embassy order as a source for the history of the Russian language moryt.Chelobitnye), Moscow, 1994, 109 p.
8. Kulmamatov D.S. *Sredneaziatskie dela Posol'skogo prikaza kak istochnik dlya istorii russkogo yazyka* (Central Asian diplomatic documents and their Russian translations of the XVII century.), Doctor's thesis, Moscow, 1995, 357 p.
9. *Materialy po istorii russko-mongol'skikh otnoshenii (1607-1636)* (Materials on the history of Russian-Mongolian relations (1607-1636), Moscow: Izd-vo Vostochnoi literature, 1959, 351 p.
10. *Materialy po istorii russko-mongol'skikh otnoshenii (1636-1654)* (9. Materials on the history of Russian-Mongolian relations (1636-1654), Moscow: Izd-vo Vostochnoi literature, 1974, 469 p.
11. Makhmutova A.S. *Leksika tyurkskogo proiskhozhdeniya v drevnerusskoi pis'mennosti XIII-XV vv.* (Vocabulary of Turkic origin in the old Russian script of the XIII-XV centuries.): extended abstract of candidate's thesis, Leningrad, 1983, 17 p.
12. Ravidzhamts U. *Razvitiye mezkul'turnoi kompetentsii pri obuchenii chteniyu mongol'skikh studentov-filologov* (Development of intercultural competence in teaching reading to Mongolian Philology students), extended abstract of candidate's thesis, Sankt-Peterburg, 2016, 247 p.
13. *Russko-kitaiskie otnosheniya. Materialy i dokumenty* (Russian-Chinese relations. Materials and documents), Moscow, 1990, Vol. 2 (1725-1727), 668 p.
14. *Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vv.* (Dictionary of the Russian language of the XI-XVII centuries), Moscow: Nauka, 1975, issue I, 371 p.
15. *Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vv.* (Dictionary of the Russian language of the XI-XVII centuries), Moscow: Nauka, 1980, issue 7, 403 p.
16. *Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vv.* (Dictionary of the Russian language of the XI-XVII centuries), Moscow: Nauka, 1981, issue 8, 351 p.
17. *Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vv.* (Dictionary of the Russian language of the XI-XVII centuries), Moscow: Nauka, 1975, issue 29, 480 p.
18. *Drevnyaya Rossiyskaya Vivliofika*, izd. II, ch. IV, Moscow, 1788, pp. 120–142.
19. Puteshestvie cherez Sibir' ot Tobol'ska do Nerchinska i granits Kitaya russkogo poslannika Nikolaya Spafariya v 1675 godu, Sankt-Peterburg, 1882, 227 p. —URL: <https://rucont.ru/efd/228116> (December 20. 2019).
20. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* (Etymological dictionary of the Russian language), Moscow, 1964, Vol. I, 562 p.
21. Shaimerdenova N.Zh. *Glossy kak fenomen teksta* (Glosses as a phenomenon of the text), Almaty: BORKI, 1997, 156 p.
22. *Entsiklopedicheskii slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona* (Encyclopedic dictionary of F. A. Brockhaus and I. A. Efron.), Sankt-Peterburg.: Brokgauz- Efron, 1890-1907 // <https://slovar.cc> > Russkii yazyk > Slovar' Dalya.
23. *30000 inostrannykh slov, voshedshikh v upotreblenie v russkii yazyk, s ob"yasneniem ikh kornei* (30,000 foreign words that have come into use in the Russian language, with an explanation of their roots.), Moscow, Sobstvennoe izdanie avtora, 1866, 771 p.